

Сибирь всегда была местом, куда ссылали неугодных тому или иному строю людей. И все же становится жутко, когда представляешь наш район одним большим лагерем за колючей проволокой. Приречье, Васильевка, Просоково, Логовой... Поселок Линейный тоже когда-то был зоной. О том, как там жила и работали люди, рассказывают непосредственные участники тех трагических событий. Эти рассказы, порой, противоречивы. Но, думаю, читатель сам во всем разберется и сделает свои выводы.

Антон Кузьмич Пасынок — бывший заместитель начальника лагеря по профилактике (с марта 1946 года и до снятия зоны).

— Какие порядки были в лагере? Я не имел права назвать заключенного на «ты», какая бы ни была у него статья. Только на «вы» или по фамилии. А если называл, он тебе скажет: «Что, я с вами телят пасу». За грубое обращение с заключенными персоналом получал высылку, поэтому надзиратели очень аккуратно обращались с ними, боялись, что выгонят с работы.

Здесь сидел племянник одиозного надзирателя — Харитонов. Пятнадцать лет за изнашивание дали. Вел он себя плохо, никому не хотел подчиняться. И вот надо было посадить его в ШИЗО (штрафной изолятор). Харитонов говорит ему: «Иди в изолятор», а тот не идет. Взял за руку: «Иди». Племянник его толкнул. Ну он ему и врезал. Так потом его вызвал начальник первой части и говорит: «Ты почему ударил заключенного? Отвечать будешь».

За заключенными по 58-й статье все начальство гляделось как собака за палкой. На работу брали только такую работу, где нужна была ответственность, надежные были люди. А уж если их расконвоировали, то каждый хватал себе (расконвоировать имели право, только если политзаключенный отсидит полсрока).

На любую работу заключенные проходили комиссию. Скажем, сено косить — это средний труд, и людей подбирали средних. На тяжелые работы ставили самых здоровых. Пенсионеров, стариков — на легкую. Если кому 60 лет исполнилось и он сам не пойдет на работу, ты его не имеешь права никуда послать. Закон и в зоне действовал.

О том, как относились к заключенным, говорит и такой случай. Из Марининска сбежал осужденный. Здесь его разоблачили и хотели отправить обратно, а он лето достал нож. Выскочил из барака и кричит: «Не подходи, зарежу!». Бились, бились с ним, ничего сделать не могли. Тогда вызвали овчарку, очень хорошая собака у нас была. Скомандовали ей: «Фас!». Она и сшила ему все: штаны, рубашку, один пояс остался, а на нем ни царя ни князя. Тот кричит: «Сдаюсь!». ей: «Фу, фу», а она все крутится. Даже хозяйка укусила в азарте.

Заключенные по 58-й статье в основном были люди умные, грамотные. Помню хирурга Дитриха. Я его как-то спросил, за что его посадили. Он рассказал, что 58-ю ему дал начальник. На фронте Дитрих встречался с медсестрой. И когда его начальник узнал об этом, сказал: «Ты что с моей... (виза) дружбу завел». Тот ответил: «Какая разница — у меня жена есть, у вас есть

жена, у нее — муж. Мы молодые, живем и все». А через три месяца восемь лет получил. Это был очень высокой квалификации специалист. Сотни операций сделал и ни одной неудачной. Досиживал он в Марининске. А затем уехал в Осинники, в Москву-то сразу не разрешили вернуться.

Сидели и воры, жулье, которые не хотели работать. Их ослабляли, давали меньше пайку, по 200 граммов хлеба на день. Правда, потом отправляли на 2—3 месяца на второй лагпункт (поселок Логовой) и откармливали. При мне здесь худых людей не было. Особенно сильно поддерживали тех, кто болел.

Почему, говорите, кормили хорошо, а люди умирали? Шарлатаны были, не хотели работать. Я ездил по полям, видел. Скажем, женщины копали картошку. Некоторые работали от души, а некоторые не хотели. Они даже норму не выполняли, и их надо было посадить в изолятор. И вот я с ними поговорил, распределил каждый борозды и пообещал, что вечером они получат горючий ужин. Начальнику лагпункта сказал, чтобы привезли котел, налили картошку, картошку и картошку высыпали туда, соль положили в общем, все как положено, хлеба привезли. Тот так и сделал. Даже, вроде, свиным зеклол и дал им мяса граммов по 70. В этот день все выполнили свою норму. На другой день то же самое. И за 4—5 дней выкопали всю картошку, а уже сено шел. Да еще и турнепс убрали, только спросили: «А нам за это что-нибудь будет?».

А насчет того, что умирали, не знаю. Знаю, один повесился. Он вроде в плен попал и у немцев фельдшером работал. И будто за это 8 лет получил. За год до освобождения у него умерла жена. Когда ему об этом сообщили, он очень расстроился и все о чем-то думал. Говорил, приеду домой, а дома никого нет. Сыну и дочери не написал, боялся, что их из института исключат. А потом повесился.

А вообще заключенные даже деньги получали за работу, они их на книжки ложили. Вычисляли за питание, за амортизацию помещения, за обслуживание (?!), а остальные ложили на книжку. Одна трактористка при мне 36000 повез отсюда. Когда заключенный освобождился, его спрашивали куда ему перечислить деньги, на руки их не выдавали. И куда скажет, туда и перечислят.

Мария Васильевна Басалева — стрелок охраны: — Я в зоне работала стрелком с 1941 года, а зона у нас где-то с тридцать шестого. Сидели здесь больше по 58-й статье, политические, но были и уголовники. Бывало, везу женщин на огород, а они плачут горькими слезами: «Гражд-

данца конвоир, за что меня взяли, десять лет дали, сама не знаю. Забрали и повезли, четверо ребятшек осталось». Сидели за колоски, за мерзлую картошку, да за все.

Многие бежали. Их, конечно, ловили, срок добавляли. Летчик один был, его с фронта сюда прислали. Я его взяла чтоб винтовки проверить. Привела в лесок, говорю, стой, я тебя расстреливать буду. Пошутила. Он и стоит. А я винтовки проверила и ушла. Забыла про него. Вечером везу бригаду с работы, а он стоит. Подъехал командир и говорит: «А мы думали, тебя расстреляли». На другой день повел бригаду на работу два старика, летчик этот от них и сбежал. Конвоиров и бригадира посадили в изолятор, его искали, но найти

не могли, пока кто-то не сказал, что он прячется в свинарниках. Они тут недалеко были. Свинарники его подкармливали, и он две недели там прожил. Поехали, забрали. Собаки ему все штаны порвали. Я как раз на крыльцо вышла, а он говорит: «Фашистка, от тебя не убежишь». А бригадир все про него. Ему только три месяца до конца срока оставалось. Его и допустили. Так он ему так дал, что тот наутро и слох.

З О Н А

А вообще много умирали, хотя кормили ничего: мясо давали, борщи варили. Все ведь свое было — картошку садили, капусту, морковку, коров держали, свиней, хлеб сами пекли. На месте кладбища сейчас у нас гараж, на втором кладбище аканию посадили. Хоронили человек по десять-пятнадцать. Телегу нагружат или сани и везут. Побросают их в могилу в исподнем, закопают, а родным сообщат, что такой-то умер.

Расконвоированным было полегче. Женщины коров доили, мужчины на тракторах работали. Но если они нарушали режим, их наказывали — переводили в конвойную зону, садили в бур, где были камеры-одиночки, как в тюрьме.

Жалко было людей. Другой раз идет парень, несет что-нибудь поесть. Я замечую, говорю: «Иди... отсюда», как будто нету у него ничего. А если другой конвоир стоит, картошку в кармане найдет, отберет и выбросит. А заключенному за нее год добавляли.

Павел Гаврилович Черуш: — В феврале 1943 года я воевал на Брянском направлении и после тяжелого ранения попал в санбат. Вывезли в госпиталь меня нельзя было, началась весна, машины не проходили. В госпиталь раненые добирались кто как мог. Когда я немного окреп, пошел пешком, до Мичуринска подбрели военные, а там недалеко станция Кочетовка, где и находился госпиталь. Лени-

ли меня долго, но рана не заживала. И тогда направили в Новокузнецк. Здесь поставили на ноги.

Когда выздоровел, приехал вербовщик и отобрал группу, в том числе и меня, в Ленинск-Кузнецкое пулеметное училище. Ведь на фронте я был командиром отделения, окончил полковую школу в 1942 году. Учили нас плохо. Был такой дурной девиз: «Больше пота, меньше крови». Вот мы и таскали на себе артиллерийскую пилу, совершали марш-броски с ними. А я ж фронтник был и знал, что это глупость. Нам нужно было научиться делать расчеты, чтобы точно стрелять, уметь ориентироваться на местности. Говорил об этом, да толку. Проучился десять месяцев. Тут Украину освободили, стал писать письма,

дело до конца довел, сказал мне: «Ты на меня не обижайся. Если я никого не посажу, значит, я не работаю».

Судил военный трибунал — три человека. Ни одного свидетеля не было. Зачитали приговор и в тюрьму. Начальник училища, когда меня вывели, сказал: «Возьми с собой карандаш, пригодится». Из тюрьмы в столичный вагон и сюда.

Зона состояла из трех зон: конвойная, расконвоиная и строгого режима. Я попал в конвойную. Мне выдали валенки, бушлат и отработавший на стройтеатре складов. Была уже зима, землянки не отапливались. Принесли мы дров, буржуйку затопили. Дневальный поставил мои валенки за печку, да не посмотрел, они прогорели. Утром на работу, а валенок нет. Начальник лагпункта раздел меня и говорит: «Иди на нары, догорай». И я «догорал». Тем, кто не работал, пайку давали маленькую. Чашек, ложек не было. Еду привозили в деревянных бочках. Наливая толь в пилотку. Просить добавку было бесполезно. А если доходяга и просил, то получал черпаком по голове. От недоедания у многих открывался понос. Многие ходили по помойкам, искали еду.

Каждое утро кто-то из доходяг не просыпался, и его увозили на кладбище. Я выжил только потому, что санитарка очень нас жалела и добилась, чтобы отправили во второй лагпункт (п. Логовой) подкармливать морозилок. Сидели там 200 гектаров картошки, 4 коровы мороженой.

В Логовом, как и в Линейном, землянки не отапливались. Не было и матрасов, простыней, одеял. Кто в чем прибыл, в том и спал. Когда немного поправился, вернули в лагерь, стал работать: пахал, сеял, плотничал. Охрана лагерная относилась к нам жестоко. Один все кричал: «Паразиты, гады, враги народа!». Когда заключенные боролись поле, они собирали боронилую картошку и прятали ее. Самым хотелось поесть, да и товарищей в лагере подкармливать. Но на вахте ее находили и выбрасывали в яму. Я сам в первый день, когда пошел рыть картошку, спрятал одну. Нашли, отобрали, посадили в изолятор. Но были в охране и такие, как Антон Басалаев, фронтник. Он разрешал развести в поле костер и испечь «тошнотки» из гнилой картошки. А бригаду усиленного режима водили работать на торфяное болото. Дорога шла через морковное поле. Одни заключенный нагнулся и выдернул морковку. Охранник сразу собаке «Фас!».

Полегче стало после войны. Многих лагерных начальников сменили фронтники. Уголовников освободили, и положение в лагере улучшилось. Появились простыни, одеяла, запретили отбирать еду, даже разрешили зерно сушить на молотилке и жевать, построили баню, клуб и т. д.

Меня расконвоировали, и старший лейтенант Бугаев забрал в пожарку. Пойдем, говорит, ты у нас оживешь. Но там я был недолго, перекочевал в инструментальную. Готовил для бригад необхо-

димый для работы инструмент: пилы, топоры, косы и т. д. Это было нелегко — подготовить за ночь инструмент для тысячи человек.

Работал и на дому у лагерных начальников. А вообще любой человек мог выписать себе лагерников для работы по хозяйству. Кормили кто как: кто в лагере, у кого жена вынесет остатки картошки от обеда или ужина и даст в уголке поесть. А ведь, если надо было ехать за дровами, это 25—30 км, то едешь рано утром голодный и на весь день — пока наполнишь да привезешь! А майор Куликов всегда за свой стол садил. Сегодня, говорил, ты сидишь, завтра — я.

Бывали в лагере случаи, когда охрана убивала заключенных. Так, надзиратель из третьего лагпункта (д. Васильевка) вел девушек, а они перед этим над ним посмеялись. Он подошел к ним себе и в упор расстрелял. Одна из трех чудом осталась жива. Потом его судили. Другой тоже женщину застрелил — за надобностью за куст зашла.

Пока не сняли зону, редко кого освобождали. Из тридцати седьмого года почти все остались в акациях. Вроде отсидел человек срок, а его не освобождают. И вот он сидит, сидит, да так и умрет. Помню Шкуренко. Принесут ему гнилой картошки, он настраивает «тошнотки», прямо с грязью, с волосами, я ест. Никак поесть не мог. Полведра баланом за раз съедать. Да и любой из нас мог съесть, полтора килограмма хлеба.

Бригадиров тридцать седьмого года лагерное начальство боялось. На праздники их в изолятор садили, чтоб восстание не подняли. Земля эта вся костями человеческими усеяна. Из Норильска этап был в 250 человек, а освобождения 5—6. После освобождения мне дали направление в Борисполь Киевской области. Приехал, пошел в милицию, а мне «24 часа и чтоб тебя за 100 километров у Киева не было». Уехал в Бирюзна — а то же самое. А когда я освобождился, мне говорили, чтоб оставался здесь. Знали, дело ходит за тобой следом и где-то тебя перехватит. И я вернулся в Юргу. Но и здесь услышал: «Езжай туда, куда дали направление». Стою и не знаю, что делать. На мое счастье вышел начальник милиции, он меня по Сибирягу знал. Спросил «Чего стоишь?» Сказал, житья нет, прописки не дают. Он и распорядился прописать меня.

Я все время думаю, за что сидел? Ничего не хочу, только чтобы с того капитана из контрразведки, который за меня медаль получил, ее сняли.

Через 46 лет военный трибунал признал свою ошибку и реабилитировал Павла Гавриловича Черуша. Почти через полвека справедливость восторжествовала, но не вычеркнуть из памяти страшных лет, прожитых за колючей проволокой, не вернуть потерянного здоровья, семьи. И, конечно, когда все это вспоминается, на глазах появляются слезы.

искать родных. А они проходили через контрразведку. Ну там и зантересовались мной, стали проверять, кто да что. Нашли, что в армии не служил. А у меня отец был раскулаченный. Держал корову, лошадей, пчел. Зантеников же, как водится, много было. Да он еще, когда отсечет, кувит бочку продавать его. Вроде купца. ЭЭП был. И получал-то с этого копеечки. Нужда заставляла продавать. Черниговская земля песчаная, хлеба родила мало.

В двадцать восьмом году отец сумел построить пятистенный дом, крытый железом. А колхозу контора нужна была. Я тогда пацаном был. И вот принесли одна налог — уплатили, второй — уплатили, а третий платит нечем было. И тогда пришла, сделали опись и все забрали. Из избы нас выдворили, мы остались без крыши над головой. Приютила нас тогда бабка Пономаренко. До тридцати второго года жили у нее, пока отец не уехал на Брянские заводы. Трудно было начинать все сначала, но кое-как построили избушку. А тут война, оккупация. Наш поселок немцы сожгли, он был рядом с лесом, и они боялись, что партизаны будут в него заходить. Так вот, пока моя Родина была под оккупацией, служба шла нормально. А когда освободили — меня арестовали.

В КПЗ уже сидел какой-то капитан. Его убрали, и я остался один. На допросы водили под д. Демьяновку, в лагерь. Вел по городу под винтовками, и встречные говорили: «Убейте его!». Сначала меня хотели сделать шпионом, я знал географию, разбирался в карте. Потом требовали: «Признавайся, что ты хотел перейти к немцам». В конце концов приписали антисоветскую агитацию. Вызывали товарищей, с которыми учился, заставляли подписывать ложные показания Угрожали: «Не подпишешь, съедешь вместе с ним». Следовательно, когда

Готовил для бригад необходимый

до отсюда